

«Русская мысль»

чем это говорит, как Вы думаете?

— Это говорит о национальной склонности к вымыслу. Что хорошо, когда речь идет о искусстве. Но русские легко создают атмосферу опасной мечтательности, с одной стороны, и недееспособности — с другой. Думаю, что привычное для нас противопоставление духовного и материального сильно преувеличено. Мне не кажется безбожным подметать в комнате, более того, мне кажется безбожным не подметать, потому что этот мир — не предбанник Царствия Божия, где можно гадить и бросать окурки на пол. Мир — уже Царствие Божие, потому что кем он создан?

Я никогда долго не жил на Западе. Если слухи о повальной буржуазности — не миф, если жизнь действительно сводится к счету в банке, подстриженному газону и вымытой стиральным порошком мостовой — приятного мало. Не берусь судить, хотя не верится. Но то, что мы впали в противоположную крайность, — вне всякого сомнения.

Строки «Но и такой, моя Россия, ты всех краев дороже мне» — хорошая поэзия, но плохая практика. Будучи спокойным патриотом, я пожелал бы России лет 200-300 пожить смиренной Бельгией. В XX веке с Россией случился эпилептический припадок, ей надо отлежаться, попить слабенького чайку и учиться ходить как все люди. Вываливать страну из одного припадка в другой — бесчеловечно.

— А как Вы относитесь к тому, что ваша личная судьба совпала с этим эпилептическим припадком?

— Да никак. Если бы мы жили в XIX веке, нам было бы тоже несладко, ведь мы не знали бы сравнения. Если болят зубы, то мало утешает, что цел позвоночник.

Если через 30 лет здесь будет буржуазная жизнь, то наши дети станут тяготиться ею, потому что контраст между буржуазностью и советским кошмаром будет утрачен. И мои внуки, возможно, будут ходить с оранжевыми ирокезами на головах и ненавидеть сытых. И мои шамканья: «Вы не знаете, что такое писать на запястье номер очереди в магазин и пользоваться одним санузелом с соседями по коммуналке», — пропустят мимо ушей. Кто, когда принимал к сведению чужой опыт?

— То есть человеку плохо живется просто потому, что он человек. Получается, что люди, которые жили при советской власти, находились под двойным прессом: постоянные лишения, унижения, жестокость...

— Одно из многочисленных преступлений советской власти, заключается в том, что она способствовала нашей массовой инфантилизации, она отвлекала нас от онтологического драматизма жизни. Сколько возникло разнообразных мифов и обольщений! Казалось, что счастья нет из-за отсутствия квартиры, свободы передвижения, свободы слова и так далее...

— У Вас никогда не возникало намерения эмигрировать?

— Я не человек волевых решений. В 80-е годы я предпринял вялые попытки уехать. Не получилось — я не стал упорствовать.

Сейчас? Да нет, а с какой стати? Жизнь уже сложилась здесь. Наверное, это и есть примета зрелости, когда со всей очевидностью понимаешь, что ось твоей жизни совпадает с твоим позвоночником, что тебе не надо с чем-то вовне совпасть, совместиться, чтобы подумать: «Я на своем месте». Мое место — там, где я сейчас нахожусь. Молодого чувства, что есть страна, ситуация или круг людей — иными словами, сторонние обстоятельства, чтобы все наладилось само собой, — нет; такая иллюзия давно не тешит. Нет такого места в мире, кроме того, на котором я сейчас пребываю, где я бы мог свести концы с концами.

— А вообще у поэта должен быть какой-то социальный статус?

— Мы уже говорили о естественных и привнесенных в жизнь страданиях — все это имеет отношение

и к поэту. Если человек еще и поэт, значит, у него предполагается какая-то повышенная чувствительность. Его дополнительно мучить не надо. Он сам найдет мороку на свою голову. Я не вижу ничего противопоставленного поэзии, если поэту дают почетное звание библиотекаря и сносное жалование. Поэту, чтобы осуществиться, совсем не обязательно погреться кандалами.

— Считается, что человек должен составить собственную поэтическую антологию из тех стихотворений, которые ему в жизни сопутствовали и были важны. Предположим, Вам бы поручили...

— Вкусы мои с годами сужаются, мне все меньше и меньше стихов нравится. Переоценке не подвергся только Пушкин — всю жизнь я его читаю и люблю. Если проводить бытовые параллели, то его стихи можно сравнить с водой: она необходима ежедневно. Все остальное — гастрономические пристрастия. То одного хочется, то другого. Ты носишь с Георгием Ивановым месяц-два, а потом чувствуешь, что сыт; понимаешь, что нельзя на таком пределе отрицания жить и писать всю жизнь, — и разочаровываешься на какое-то время. Потом снова к нему возвращаешься. И так далее.

Я решительно не люблю в поэзии ответственность и чрезмерность голоса: нельзя все время кричать. Мне кажутся фальшивыми стихи, в которых встречаются этические огрехи. Этого в стоящих стихах не может быть. Не потому, что поэт — непременно хороший человек, просто само его ремесло тем этичней, чем эстетичней. Этические провалы в искусстве всегда эстетического происхождения. «Лолита» безнравственна по сюжету, но нравственна по пафосу, потому что Набоков — великий писатель, и он остается по сю сторону добра и зла. А по другую — можно встать, но для этого надо перестать быть хорошим писателем. Поэт пишет нравственно, потому что нравственность — в природе языка, и даже будь автор последней сволочью, он составит слова таким образом, что безобразия у него не получится, пусть это и входило в его намерения.

— Вы можете определить, что такое язык?

— Склад опыта, разумеется. Человечество живет плохо, но, пока оно живет, силы жизни перевешивают силы смерти, а следовательно, в конечном счете, человеческий опыт — жизнеутверждающ, и это есть в языке. Поэта от непозта отличает повышенная чувствительность к языку. Поэт понимает, где язык жив, а где тлетворен, — и бредет по нему, как по минному полю. Именно поэтому поэту тяжелее с языком, чем остальным.

— То есть преступление против языка, в конечном счете, есть преступление против жизни?

— Да, но преступления против языка — дело наказуемое. Пока такой автор жив, он вызывает интерес к себе тем или иным способом, держится на поверхности. Но когда он исчезает из поля зрения публики, уже спустя 5-10 лет люди его едва вспоминают. Хороший поэт наводит жизнь «на резкость», и ты видишь, что в жизни все на самом деле проще и драматичнее, чем тебе представлялось. А плохие поэты стоят в створе поэтической оптики, размахивают руками перед объективом, отвлекают, мешают видеть, и в этом их вред.

— Вас не огорчает, что Ваше творчество получило какой-то общественный резонанс только в последние годы, хотя, на мой взгляд, это должно было произойти значительно раньше?

— Моя скромная известность меня вполне устраивает. В этом нет надрыва. Если бы известности не было вовсе, я бы огорчился. Если бы она была шумная, наверное, я бы заподозрил в себе какое-то шарлатанство, думал, что меня за кого-то не того принимают.

Вопросы:
СЕРГЕЙ ЮРОВ

Москва